

Роберт Стивенсон

**Джанет продала душу
дьяволу**

Роберт Льюис Стивенсон
Джанет продала душу дьяволу

«Public Domain»

1881

Стивенсон Р.

Джанет продала душу дьяволу / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1881

«Достопочтенный Мордух Соулис долгие годы был пастором в Больвирийском приходе, расположенном на болотах низменной долины реки Дьюль. Это был строгий, суровый, мрачного вид смуглолицый старик, наводивший страх и трепет на всех своих прихожан. Последние годы своей жизни он жил в совершенном одиночестве, не имея подле себя ни родных, ни близких, ни прислуги, ни какого бы то ни было человеческого общества; словом, ни одной живой души! Так и жил он один-одинешенек в своем маленьком пасторском домике, уединенно стоявшем в стороне, приютившись под нависшей над ним скалой, прозванной „Висячий Шоу“. Несмотря на странную, почти полную неподвижность его словно застывшего лица, напоминавшего маску, глаза его постоянно тревожно блуждали по сторонам, как будто озирались, и дико сверкали из-под нависших бровей...»

© Стивенсон Р., 1881

© Public Domain, 1881

Содержание

Джанет продала душу дьяволу

6

Роберт Стивенсон

Джанет продала душу дяволу

*** * ***

Джанет продала душу дьяволу

Достопочтенный Мордух Соулис долгие годы был пастором в Больвирийском приходе, расположенном на болотах низменной долины реки Дьюль. Это был строгий, суровый, мрачного вида смуглолицый старик, наводивший страх и трепет на всех своих прихожан. Последние годы своей жизни он жил в совершенном одиночестве, не имея подле себя ни родных, ни близких, ни прислуги, ни какого бы то ни было человеческого общества; словом, ни одной живой души! Так и жил он один-одинешенек в своем маленьком пасторском домике, уединенно стоявшем в стороне, приютившись под нависшей над ним скалой, прозванной «Висячий Шоу». Несмотря на странную, почти полную неподвижность его словно застывшего лица, напоминавшего маску, глаза его постоянно тревожно блуждали по сторонам, как будто озирались, и дико сверкали из-под нависших бровей. Когда во время исповеди взгляд его останавливался на кающемся, которого он по долгу службы обыкновенно строго увещевал, и внушительно говорил о будущей жизни и о том, что ждет там, за гробом, нераскаявшихся грешников, то исповедующемуся начинало казаться, что его взгляд проникает в даль будущего и видит там ужасы вечных мук, уготованных грешникам. Многие молодые люди, приходившие к нему готовиться к первому приобщению Святых Тайн, оставались глубоко потрясенными его речами и наставлениями на долгое время.

Каждый год, в первое воскресенье после семнадцатого августа, он имел обыкновение говорить проповедь на тему «Дьявол как лев рыкающий», и в этот день он старался всегда превзойти себя, как в силе развития этой и без того уже столь устрашающей темы, приводившей в ужас и трепет его паству, так и по неистовству своего поведения на кафедре в этот день. С детьми от страха случались припадки, многие падали без чувств, взрослые и старики буквально цепенели от ужаса и смотрели мрачно и таинственно, а после того весь день говорили теми странными намеками, какими любил выражаться Гамлет.

Люди осторожные, хвалящиеся своим благоразумием, еще с самого начала водворения мистера Соулиса на должность пастора этого прихода стали обходить в сумерки и в поздний вечерний час дом пастора. Даже и то место, где стоял дом в тени нескольких старых толстых деревьев, над самой рекой Дьюль, с нависшим над ним с одной стороны угрюмым утесом Шоу, а другой стороной обращенной к громоздившимся чуть не к самому небу, поросшим мхом вершинам мрачных, холодных гор, считалось недобрым среди населения. Даже проводники, сидя вечером в маленькой таверне местечка, сокрушенно качали головами при мысли о необходимости пройти поздно вечером или ночью мимо этого нечистого места. Особенно недоверчиво поглядывали люди там на одно небольшое пространство у самого дома; это местечко пользовалось скверной репутацией и внушало людям какой-то особенно суеверный страх.

Сам дом пастора стоял между большой проезжей дорогой и рекой; одной стороной к дороге, а другой к реке. Задний фасад его был обращен к городку Больвири, лежащему в полумиле расстояния от дома, а передний фасад выходил в обнесенный живой изгородью из терновника жалкий, запущенный сад. Сад этот занимал все пространство от дороги до реки, а дом стоял как раз посередине; дом был в два этажа, и в каждом этаже по две большие хорошие комнаты; он выходил не прямо в сад, а на узкую насыпную дорожку, упирающуюся одним концом в большую дорогу, а другим доходившую до старых ив и бузины, росших на берегу реки. Вот именно эта дорожка, этот небольшой кусочек шоссе перед окнами пасторского дома и пользовался среди юных прихожан Больвирийского прихода особенно дурной славой. Но пастор часто по вечерам, когда уже стемнеет, ходил по ней долго взад и вперед, иногда громко вздыхая от полноты чувств, вознося к Богу усердную молитву без слов. Когда же его не бывало дома, и люди знали, что пастор находится в отсутствии, потому что на дверях дома висел замок, самые отчаянные смельчаки из школьников отваживались, крикнув предварительно товари-

щам: «Ребята, за мной!», пробежать по этой дорожке, чтобы потом хвастать перед другими, что они побывали на страшном месте.

Эта атмосфера суеверного ужаса, окружавшая, как это было в данном случае, служителя Божия, человека во всех отношениях безупречного, высокорелигиозного, даже праведного, возбуждала постоянно удивление и недоумение и вызывала бесконечные расспросы со стороны всех тех немногих приезжих посторонних лиц, которые случайно или по делам заезжали в эту захолустную малоизвестную местность. Впрочем, многие даже из прихожан этого прихода не знали ничего о странных событиях, ознаменовавших первый год служения мистера Соулиса в этом приходе, а среди тех, кто был лучше осведомлен об этом, многие были по природе своей люди необщительные и воздержанные на язык, другие же просто боялись касаться этого предмета и избегали говорить о нем. Только в кои веки раз кто-нибудь из стариков расхрабрится после третьего стаканчика, и когда вино развяжет ему язык, возьмет да и расскажет, какая тому причина, что у пастора всегда такой угрюмый мрачный вид и почему он живет в таком одиночестве, как какой-нибудь отшельник.

Пять-десять лет тому назад, когда в Больвири впервые прибыл мистер Соулис, он был еще совсем молодой человек, начитанный, ученый, как говорили люди, преисполненный всякого книжного знания и притом еще великий красноречивый и усердный толкователь всяких писаний, но, как того и следовало ожидать от человека столь молодых лет, он при всем этом был совершенно неопытен в деле религии, а ведь это для пастора самое главное! Молодежь всего прихода была прямо-таки в восторге от него; она превозносила его звание, его образованность, дар слова, его вдохновенную речь и все другие его таланты и способности, но старики и серьезные, степенные люди, как мужчины, так и женщины, неодобрительно покачивали головами, и вскоре дело дошло до того, что богобоязненные люди стали возносить молитвы Богу об этом неразумном молодом человеке, моля Господа вразумить его; они считали его за человека самообольщенного, заблудшего, лишеного всякого христианского смирения, а также молили Бога и за бедную паству, порученную такому плохому и ненадежному руководителю. Это было еще до торжества и победы «умеренных», но ведь все дурное никогда не приходит разом, а мало-помалу, капля за каплей, частичка за частичкой. Впрочем, и тогда уже были люди, которые говорили, что Господь отвернулся от профессоров в колледжах и предоставил их своим заблуждениям и собственному слабому разуму и что потому юноши, отправляющиеся учиться в колледжах у этих профессоров и набираться от них ума-разума, лучше сделали бы, если бы остались дома и засели копать торф на болотах, как их предшественники до времен гонения, у которых всегда была библия под мышкой, а в сердце доброе молитвенное настроение. Во всяком случае, не подлежало сомнению, что мистер Соулис пробыл слишком долго в колледже. Он очень много думал и заботился о таких вещах, которые, в сущности, были вовсе не нужны. Он привез с собой целый ворох книг, гораздо больше, чем их когда-либо видели здесь, в этом приходе. О, сколько горя и беды с ними натерпелись возчики, они чуть было совсем не завязли с ними в болоте, у Чертова Логовища, на полпути между нашим местечком и Кильмаккерли. Говорят, что все это были божественные книги, или, быть может, их только так называли, кто их знает!.. Но люди серьезные и рассудительные были того мнения, что все это пустое. Какая могла быть надобность и польза в стольких божественных книгах, когда все слово Божье можно унести в одном небольшом узелке. И сидел он, бывало, над этими книгами целыми днями, а часто даже и ночами, что едва ли приличествало его званию, и все писал что-то, все писал... Сначала все было переполошились; испугались, что он станет, пожалуй, проповеди свои по книгам читать, но вскоре успокоились: оказалось, что он сам какую-то книгу пишет, что уж, конечно, было совсем непристойно и неприлично для пастора, да и что мог он написать путевого в его возрасте и с его малым опытом.

Но вот понадобилась ему какая-нибудь старая приличная женщина, чтобы смотреть за порядком в его доме, вести хозяйство и кормить его обедом; кто-то порекомендовал ему ста-

рую негодницу Джанет Мак-Клоур, так ее звали все в нашем местечке, порекомендовал, а затем предоставил ему самому решить, на ком остановить свой выбор. Многие пытались отсоветовать ему брать к себе в дом эту женщину, потому что Джанет была более чем в подозрении у большинства лучших людей в Больвири. Еще давно когда-то она питала нежные чувства к одному драгуну, а затем чуть не тридцать лет не ходила к исповеди и к причастию; кроме того, некоторые парни видели, как она шатается одна в сумерки и даже поздно вечером по таким местам, куда ни одна порядочная и богобоязненная женщина и заглянуть не решится, и все ходит и бормочет что-то про себя, а что, никто разобрать не может! Ну, как бы то ни было, а указал на нее первым пастору наш местный лорд. В ту пору мистер Соулис так дружил с лордом, что не было на свете такой вещи, которой бы он не сделал в угоду лорду. Когда люди говорили ему, что Джанет сродни дьяволу и что она предалась нечистому, то мистер Соулис отвечал, что все это вздор, глупые суеверия; вот какого он был тогда мнения о таких вещах; а когда перед ним раскрыли Библию на том месте, где упоминается об Эндорской колдунье, он захлопнул книгу и сказал, что те времена давно прошли, что никаких колдуний на свете больше нет и что теперь милостию Божьей дьявол укрощен и побежден.

Когда всему клану стало известно, что Джанет Мак-Клоур поступает в услужение к пастору мистеру Соулису, то народ прямо-таки словно белены объелся: все обозлились на нее, да и на него вместе с нею, и некоторые женщины, преимущественно жены проводников, которым все равно делать нечего, собрались у ее двери, обступили ее дом со всех сторон и ну попрекать и корить ее всячески; и срамили они ее как только могли, всем, что только было известно о ней, и даже тем, что никому не было известно и чего, быть может, никогда и не было... и солдатом ее попрекали, и парнями, и двумя ключами Джона Томсона, которых она, быть может, никогда и в глаза не видала, и попрекали, и срамили ее, и орали у нее под окнами что было мочи, так, что на том конце улицы слышно было. Но Джанет, это вам скажет всякий, вообще была баба не говорливая, умела держать свой язык на привязи; бывало, что ты ей не говори, она словно и не слышит тебя, идет себе и рта не раскрывает, как истукан какой, даже головы не поворотит, и вообще она ни в какие ссоры и дразги с другими женщинами никогда не ввязывалась, никого не задевала и всегда проходила сторонкой мимо всякого шума или неурядицы, а потому люди обыкновенно не мешали ей идти своей дорогой, и она, со своей стороны, предоставляла им идти их путем и при встрече всегда проходила мимо, не сказав никому ни «здравствуйте», ни «прощайте», не пожелав никому ни «доброго вечера», ни «доброго дня». Только когда удавалось кому-нибудь вывести ее из себя, о, тогда у нее неизвестно откуда что и бралось! Язык у нее был такой, что мельничному жернову было не угнаться за ним; даже мельника она оглушить могла, а уж тот ли к шуму не привычен! И вот, как встала она, да вышла тогда к бабам, да как принялась их всех честить на чем свет стоит, так все-то самые старые, самые гнусные сплетни, какие когда-либо ходили по Больвири, все-то она откуда-то повыкопала, да и выложила им на этот раз. И если кто из баб скажет слово, она на него тотчас два, и десять, и двадцать, пока наконец бабы не рассвирепели и не накинулись на нее все разом, схватили ее, сорвали с нее платье да и поволокли ее по всему местечку к воде, к реке Дьюль, чтобы испытать, ведьма ли она на самом деле или нет, и посмотреть, потонет она или поплывет. А негодница эта ну давай орать, вопить и кричать так, что ее и под «Висячим Шоу» слышно было, и отбивалась она от баб, как десять женщин, такая у нее сила была, и царапала, и щипала, и колотила направо и налево, и не одна из баб еще долго после того носила на своем теле и на лице следы ее когтей и кулаков. И в самый-то разгар побоища, как вы думаете, кто явился к ней на выручку? Некто иной, как наш новый пастор.

– Женщины! – крикнул он, а голос у него был зычный. – Приказываю вам Именем Господа отпустить ее!

Тогда эта бесстыдница Джанет прямо, можно сказать, безумела от страха, кинулась к нему, повисла на нем и молила ради Христа заступиться за нее и спасти ее от этих кумушек,

а те со своей стороны стали выговаривать ему все, что о ней было известно, и стали поносить ее всячески, и даже больше того, сказали, что на самом деле было, но и это не помогло.

– Женщина, – обратился пастор к Джанет, – правда это, что они говорят?

– Вот видит Бог, который знает все мои прегрешения! – воскликнула она. – Он знает, что во всем этом нет ни одного слова правды! Бог свидетель! Кроме одного только парня, которого я любила, я всю жизнь свою была честной женщиной!

– Так согласна ты, – спрашивает ее мистер Соулис, – перед Господом Богом и передо мной, его недостойным и смиренным служителем, отречься от дьявола и всех дел его?

Когда он спросил ее так, то она, как говорят люди, точно вся перекосилась, так что тем, кто ее видел, даже страшно стало, и все слышали, что у нее даже зубы во рту застучали как в злой лихорадке. Но делать было нечего, надо было сказать либо да, либо нет, и вот Джанет в присутствии всех подняла вверх руку, как для клятвы, и перед всем народом отеклась от дьявола и всех дел его.

– Ну, а теперь, – сказал мистер Соулис, обращаясь к бабам и женам проводников, – марш сейчас же по домам, все до одной, и молитесь Бога, чтобы Он отпустил вам ваши грехи!

А сам предложил Джанет руку, хотя на ней не было ничего, кроме одной сорочки, и повел ее через все местечко наше к ее дому и проводил ее до самых дверей, словно она была какая-нибудь знатная местная леди; а она и кричала, и хохотала, и причитала так, что слушать-то было зазорно; он же словно ничего не слышал.

И в ту же ночь многие почтенные и уважаемые люди долго не ложились и все молились, а когда настало утро, то такой страх овладел всем нашим местечком и всей округой Больвири, что и сказать вам нельзя: ребятишки все куда попало попрятались, молодые парни глаза показывать на улицу не смели, да и пожилые и старые люди тоже стояли и боялись от своих дверей отойти, а только с порога глядели. По улице шла Джанет, или ее двойник, кто ее знает, а шея у нее скручена и голова свесилась на сторону, точь-в-точь как у мертвеца, которого только что из петли вынули, и лицо все перекошено. Мало-помалу к этому привыкли и стали даже расспрашивать ее, что такое с нею случилось, но с того дня она уже не могла говорить, как все крещеные люди, а только слюни пускает, бывало, да лопочет что-то, словно мычит, да зубами стучит и челюсти сводит и разводит точно ножницы, и вот с самого этого дня Имя Божье ни разу не сходило у нее с языка. Даже когда она старалась произнести его, все равно ничего не выходило! Те, что всех больше знали и понимали, ничего не говорили и молчали об этом деле, да и вообще народ боялся упоминать об этом, но с того времени уже никто никогда не называл ее прежним именем, Джанет Мак-Клоур, потому что все считали, что старая Джанет в тот день в ад кромешный попала. Но пастора нашего ни унять, ни урезонить нельзя было тогда ничем! Долго он уговориться не мог, все грозные-прегрозные проповеди говорил о жестокосердии, о человеческой злобе и несправедливости и корил баб и грозил им гневом Божиим за то, что через их злобу и жестокость несчастную женщину параличом разбило; и долго он ни о чем другом не говорил. А парней, которые дразнили ее или смеялись над ней, он тоже строго журил и корил и в ту же ночь взял ее к себе в дом и стал жить с ней один под темным утесом «Висячий Шоу».

Между тем время шло своим чередом, и люди более легкомысленные стали легче смотреть на это темное дело. О пасторе все стали лучшего мнения, чем поначалу, хотя он по-прежнему сидел до поздней ночи за своим писанием, и люди часто видели, как над рекой Дьюль в его окне далеко за полночь мерцало пламя свечи. Казалось, что он был доволен собой и своей судьбой, но все стали замечать, что он как будто чахнет, а что касается Джанет, то она молча делала свое дело, уходила и приходила, хлопотала на кухне и по дому, и если раньше она была не ахти как говорлива, то теперь у нее была основательная причина стать еще более молчаливой. Она никого не трогала, но на нее жутко было смотреть, и никто в целой Больвирийской земле не решился бы довериться ей.

В конце июля того года наступила еще невиданная перемена погоды; никогда ничего подобного не бывало в этой местности. Стало до того душно, жарко и томительно, что стада нельзя было загнать на Черный Холм, потому что скотина совсем ослабела и не шла в гору. Даже молодые парни и ребяташки уставали играть и резвиться; всех одолевала жара. Особенно душно, нестерпимо томительно и даже жутко было, когда временами вдруг начинал дуть горячий ветер, шуметь по деревьям, свистеть по полям и лугам, по горам и долинам, или вдруг проносился короткий ливень, ничего не освежавший и не оживлявший. Сколько раз все думали, что назавтра соберется гроза, но наступало завтра и послезавтра, а погода стояла все та же и никакой грозы не было. Все мучались от жары и духоты, и люди, и скот, но из всех страдавших в это время живых существ никто так не страдал и не мучился, как мистер Соулис. Он не мог ни спать, ни есть, как он сам говорил своему епархиальному начальству, и когда он не сидел над писанием своей книги, то бродил целыми часами по окрестностям, как человек, не находящий себе нигде покоя, тогда как все другие люди прятались по домам, укрываясь от зноя. Над «Висячим Шоу» перед Черным Холмом, где обыкновенно паслись стада, есть клочок земли, обнесенный каменной оградой с железными решетчатыми воротами. Как видно, в прежние времена это было кладбище Больвирийского прихода, освященное еще папистами, еще до того благословенного времени, когда над нашей страной и над всем нашим королевством занялся свет истинной веры. Как бы там ни было, только это старое кладбище было излюбленным местом пастора Соулиса; здесь он часто подолгу сидел и обдумывал свои проповеди и любовался открывавшимся отсюда видом. Местечко это было живописное, и вид с него был действительно очень красивый, – настоящая картина! Однажды взобрался мистер Соулис на Черный Холм и вышел на самое широкое его место; видит сперва двух, а там и четырех, а там и целых семь воронов, летающих и кружащихся над одним местом на старом кладбище. И летают они то легко и весело, то тяжело и грузно, словно им трудно махать крылами, и каркают все время без умолку, словно перекликаются друг с другом. Мистеру Соулису сразу стало ясно, что воронов встревожило что-нибудь необычайное; однако его нелегко было напугать, не трусливого он был десятка, наш пастор Соулис, а потому и пошел прямо к ограде посмотреть. И как вы думаете, что он там увидел? Видит, человек сидит, или, быть может, то был только с виду человек; сидит за оградой, на одной из могил, рослый, плечистый и черный, что сажа¹, словно он из чертова пекла вылез, и глаза у него такие странные, страшные. Мистер Соулис не раз слышал рассказы о черных людях и много читал о них, но было что-то недоброе в этом черном человеке, которого он теперь видел перед собой, и как ни было ему жарко, а все же его пробрала дрожь до самого мозга костей, но мистер Соулис был человек смелый и заговорил с черным: «Вы, вероятно, чужой здесь, мой друг?» – спросил он его. Но черный ничего не ответил, а только вскочил на ноги и побежал к противоположной стене ограды и все оглядывался на пастора; а тот стоял на прежнем месте и тоже все смотрел на черного до тех пор, пока тот в одну минуту не перескочил через ограду и не стал спускаться бегом вниз с холма, прямо к чаще деревьев, росших неподалеку от Черного Холма. Мистер Соулис, сам не зная зачем, побежал за ним, но был слишком утомлен и обессилен и жарой, и своей прогулкой по этой жаре, и истомлен тяжелой душной погодой, и как он ни бежал, а угнаться за черным не мог; чернокожий только мелькнул между березами и спустился вниз по скату холма; и затем пастор опять увидел его, как он большими прыжками перебирался через реку Дьюль вброд, прямо по направлению к пасторскому дому.

Мистер Соулис, конечно, не остался доволен тем, что эта безобразная черная образина так бесцеремонно направляется в его дом, и он пустился бежать пуще прежнего. Минуту спустя и он перебрался через речку вброд, пробежал по дорожке, но никакого черного нигде не было

¹ Шотландии было вообще повсеместно распространено поверье, что дьявол является на землю в образе чернокожего, о чем свидетельствуют многие судебные процессы ведьм и колдуний, а также и сборник легенд Лоу «Memorials».

видно. Тогда он вышел на большую дорогу, посмотрел и в ту, и в другую сторону, – нигде никого! Он обошел весь сад, но и в саду не было чернокожего; тогда несколько встревоженный и напуганный, что было вполне естественно, он взялся за щеколду своих дверей и вошел в дом. Здесь на самом пороге его глазам предстала Джанет Мак-Клоур со скрученной шеей и как будто не особенно довольная тем, что видит его. А после он вспомнил, что когда он в этот раз взглянул на нее, он почувствовал ту же холодную смертельную дрожь, какую испытал только что там, наверху, у кладбищенской ограды при виде черного человека.

– Джанет, – спросил он, – не видали ли вы здесь черного человека?

– Черного человека? – переспросила она. – Что вы, Бог с вами! Ну, разумный ли вы человек после этого, а еще пастор! Да во всем Больвири нет ни одного черного человека.

Ну, конечно, она говорила не так ясно и чисто, как все люди, а так шамкала и слюнявила, как деревенская лошаденка, когда она жует овес.

– Ну, Джанет, – сказал мистер Соулис, – если здесь не было черного человека, то, значит, я говорил с самим чертом!

И с этими словами пастор опустил на стул как подкошенный и трясло его как в лихорадке, так, что зубы у него стучали.

– Стыдно вам говорить вздор! А еще пастор! – пробормотала или прошамкала она и принесла ему глоточек водки, которую она всегда имела у себя в запасе.

Мистер Соулис выпил водку и пошел в свою комнату, где и засел за свои книги. То была длинная, довольно темная комната, страшно холодная зимой и даже в самый разгар лета довольно сырая и прохладная, вследствие того, что дом стоял над самой водой, да и вся местность здесь во всей округе сырая и болотистая. Сел это он к своему столу и стал думать обо всем, что с ним было с тех самых пор, как он поселился здесь, в Больвири, а также и в то время, когда он еще жил дома, когда был еще мальчиком и бегал по горам и купался в ручьях, а черный человек нет-нет да и предстанет вдруг перед ним среди этих приятных воспоминаний; ворвется ни с того, ни с сего в его мысли, как прилив крови. И чем больше он старался думать о другом, тем больше он все думал о черномазом. Он пытался молиться, но слова молитвы вылетали у него из головы, и он никак не мог их припомнить; тогда он принимался писать свою книгу, но и из этого тоже ничего не выходило. Были минуты, когда ему начинало казаться, что черный человек сидит где-то в нем самом, но в другие минуты он приходил в себя и рассуждал как добрый христианин, и тогда ему казалось, что нигде ничего нет, и даже не помнил ничего из того, что было с ним всего минуту назад.

Напоследок он встал, подошел к окну и стал смотреть на воду реки Дьюль. Деревья у берега растут густо, а река-то бежит глубоко внизу под горкой и кажется в этом месте перед домом совсем черной; а у реки стояла Джанет и полоскала свое тряпье, подоткнув подол своей юбки высоко, чтобы не обмочить его. Она стояла спиной к дому и к пастору, а тот со своей стороны едва сознавал, на что он смотрит. Но вот она обернулась, и он увидел ее лицо. И при этом у него опять дрожь пробежала по всему телу, как уже дважды раньше того в этот самый день. И вдруг ему пришло в голову, что люди говорят, что Джанет давно умерла, а что это существо просто оборотень, принявший ее вид и вселившийся в ее тело. Тут он отступил немножко от окна и стал пристально разглядывать ее. Смотрит он и видит, что она топчется там у воды, полощет, нагнувшись, свое белье и что-то каркает про себя... И, прости Господи, какое у нее было страшное лицо! А она пела все громче и громче, но ни один рожденный от женщины человек не мог бы сказать вам слов ее песни; а она нет-нет, да и скосит глаза в сторону, книзу, хотя и смотреть-то там ей было нечего. Дрожь опять пробежала по всему телу пастора Соулиса, и он почувствовал, что озноб пробрал его до самых костей. Это, видите ли вы, было божеское предостережение ему, но мистер Соулис стал даже корить себя за такие мысли; он упрекал себя в том, что так дурно подумал о бедной женщине, которую и без того постигло такое тяжелое несчастье, и у которой не было в целом мире ни близких, ни родных, ни друзей

кроме одного его. И он стал молиться за нее и за себя, а потом пошел и испил холодной водицы и как будто несколько успокоился; есть он не хотел, потому что при виде мяса его начинало тошнить. Напившись воды, он добрался впотьмах до своей спальни и лег в свою холодную, неуютную, ничем не завешенную постель.

Эту ночь никто в Больвири никогда не забудет! Это было в ночь на семнадцатое августа 1712 года. День перед тем, как я уже говорил раньше, был жаркий, томительный, но ночь была еще жарче, еще душнее; было так жарко и так душно, как еще никогда не бывало. Солнце зашло среди темных, почти черных туч, не предвещавших ничего доброго, а потому темень была такая, как на дне глубокого колодца. На небе не было видно ни единой звездочки; в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка; собственной своей ладони у себя перед носом не было видно! Даже старые люди сбрасывали с себя свои одеяла и покрывала и лежали на своих кроватях в полной наготе, задыхаясь от жары и духоты, потому что даже в домах дышать было нечем. Ну, а со всеми теми мыслями, какие бродили в эту ночь в голове мистера Соулиса, конечно, едва ли можно было заснуть, хотя бы только на минуту. Он, как говорится, глаз сомкнуть не мог, а лежал да ворочался с боку на бок, и хотя постель у него была хорошая, прохладная, она жгла его как огонь, жгла до самых костей. И когда он минутами задремывал, а затем снова пробуждался, томясь все время между сном и дремотой, он считал часы долгой ночи и слушал заунывный вой собаки где-то на болоте, и думал, что она воет точно по покойнику.

Временами ему казалось, что он слышит, как какие-то чудища возятся на своем логовище, а временами он видел у себя перед глазами бесчисленные гнилушки, светящиеся как светляки повсюду в его комнате. Принимая все это в соображение, пастор Соулис решил, что он, вероятно, болен.

И он был действительно болен; как ни мало верил он в болезнь, как ни мало желал он ее, все же он был болен. Однако мало-помалу у него как будто стало проясняться в голове; он сел у себя на кровати, в рубашке, как был, и спустил ноги на пол, хотел встать, пройтись, но вдруг задумался о черном и о Джанет, и затем, сам он не зная как и почему, – потому ли, что у него ноги озябли, или по другой какой причине, только ему вдруг пришло в голову, что между этими двумя есть какая-то связь, что между ними есть что-то общее, и что каждый из них, или оба они оборотни!

И вот в этот самый момент, как он это подумал, в комнате Джанет, смежной с его собственной комнатой, он услышал какой-то странный шум и возню, как будто там двое боролись между собой; затем вдруг подавленный крик и громкий удар, как если бы кто-нибудь сильно хлопнул дверью. В то же время ветер на дворе вдруг задул разом со всех четырех сторон дома и со свистом пронесся над крышей, а потом все снова стало тихо и безмолвно, как в могиле.

Надо вам сказать, что мистер Соулис не боялся ни людей, ни чертей, а потому он взял со стола свою коробку спичек, зажег свечу и сделал три шага по направлению к двери, ведущей в комнату Джанет с площадки лестницы. Дверь была заперта на щеколду. Пастор Соулис отодвинул засов, отворил дверь и смело заглянул в комнату. Это была большая, просторная комната, такая же, как его собственная; вся она была заставлена старинной, прочной, но громоздкой мебелью; другой мебели у пастора не было. Тут была и широкая старинная кровать с пологом и балдахином на четырех витых колонках, с пестрым, затканым крупными цветами, пологом из старинной полинялой ткани, и громадный, пузатый коричневый комод старого дуба, битком набитый божественными книгами пастора; комод этот нарочно был поставлен здесь, чтобы он не был на виду у всех приходивших к пастору посетителей. На полу были разбросаны в большом беспорядке различные вещи Джанет, но самой Джанет мистер Соулис нигде не видел. Кроме этого беспорядка, никаких других признаков борьбы в комнате не было заметно. Он переступил за порог, несмело вошел в комнату (не всякий бы на его месте при таких условиях решился последовать его примеру). Оглядевшись кругом, он прислушался, но нигде ничего не

было слышно, ни в доме, ни на дворе, ни даже в целом Больвирийском приходе, а также ничего не было видно, кроме странных теней, вертевшихся вокруг пламени свечи. Но вдруг сердце дрогнуло в груди у пастора и замерло, точно совсем остановилось; холодный пот выступил у него на лбу; волосы встали дыбом у него на голове. Страшное зрелище предстало глазам бедного пастора: между большим платяным шкафом и старым дубовым комодом висела на гвозде Джанет. Голова у нее, как всегда, свесилась на плечо, глаза выкатились из орбит и остановились точно стеклянные, язык высунулся изо рта и висел наружу, как у подошедшей собаки, а пятки болтались на воздухе фута на два от пола.

– Господи, спаси и помилуй нас, грешных! – подумал мистер Соулис. – Бедная Джанет, она уже умерла!

Он подошел ближе к труп, и в этот момент сердце его чуть не перевернулось у него в груди. Каким колдовством, или каким чудом, могла она быть удушена, об этом пусть теперь каждый сам рассудит. Джанет висела на одном маленьком гвоздике, на одной тоненькой шерстинке, такой, какими обыкновенно штопают носки.

Страшное это дело – быть этак одному ночью, среди мрака крошечного в пустом доме, да еще при такой обстановке! Но мистер Соулис был силен духом в Боге. Он спокойно повернулся и пошел вон из комнаты. Заперев за собою дверь, он замкнул ее на ключ снаружи и стал медленно, шаг за шагом, в глубоком раздумье спускаться с лестницы. Ноги у него были тяжелы, точно свинцом налитые, и когда он сошел вниз, то поставил свечу на стол, стоявший внизу у самой лестницы, а сам остался стоять у этого стола. Он не был в состоянии ни молиться, ни думать; холодный пот так и катился у него со лба; он ничего перед собой не видел и не слышал, ничего, кроме страшно громкого биения своего собственного сердца, стучавшего как-то глухо, но в то же время гулко, и как-то неровно, точно судорожно: туки-туки-туки, туки... и опять, и опять, все так же, то торопливо, то с задержкой. Может быть, он простоял здесь час, а может, и два, он этого не помнил, но вот он услышал наверху как бы легкий шум. Чьи-то осторожные шаги слышались наверху; они двигались взад и вперед, словно там ходил кто-нибудь, в той комнате, где находилось мертвое тело. Немного погодя дверь тихонько отворилась, хотя мистер Соулис отлично помнил, что запер ее, выходя, снаружи на ключ, затем слышались шаги на площадке лестницы, и ему показалось, что труп перевесился через перила и смотрит вниз – как раз на то место, где он стоял.

Тогда он взял свечу (без свечи он никак не мог обойтись) и, как мог осторожнее, он вышел из дома на улицу и пошел в самый дальний конец дорожки, проходившей у него перед окнами дома. На дворе было так темно, что просто ни зги не видать, что называется, хоть глаз выколи, и когда он поставил свечу на землю, то пламя ее даже не кольхнулось, она горела ясно и спокойно, как в горнице. Нигде кругом ничто не шелохнулось, – только вода в реке Дьюль чуть слышно бежала по каменистому дну, вниз в долину, да там, в доме, слышались тихие, жуткие шаги, как будто с трудом, не спеша спускавшиеся по лестнице. Мистер Соулис слишком хорошо знал эти шаги, это были шаги Джанет, и с каждым шагом, который приближал ее понемногу к нему, холод и озноб все глубже проникали в его тело. Он мысленно поручил свою душу Творцу Своему и мысленно помолился так: «О, Господи! Дай мне силы в сию ночь отразить от себя власть нечистого и огради меня от всяческого зла!»

Тем временем шаги спустились с лестницы и направились через сени к выходным дверям; он слышал, как рукой вели по стене, словно нащупывали впотьмах дорогу. Вдруг ивы над рекой закачались, зашумели своей мелкой листвой, закивали своими тонкими верхушками; над соседними холмами пронесся точно глубокий вздох, пламя свечи заколыхалось и чуть было не погасло, и теперь Джанет со свернутой шеей, в ее темном затасканном платье и черной косынке на плечах, с головой, свесившейся набок и искривленной улыбкой на лице, стояла на пороге дома как живая. Но пастор знал, что она умерла, и знал, что там, на пороге, стояла не она, а ее труп.

Джанет не долго стояла на пороге; она стала медленно подвигаться к мистеру Соулису. Казалось, будто все силы ее души светились теперь в ее глазах; казалось, она готова была заговорить, но не находила слов, а потому только сделала знак левой рукой. Вдруг откуда-то налетел страшный порыв ветра и злобно зашипел, точно раздраженная злая кошка, и задул свечу. Ивы застонали точно живые люди. А мистер Соулис почувствовал, что будь что будет, жить так жить, а умирать так умирать, но что этому, во всяком случае, надо положить конец!

– Ведьма, нечисть или дьявол! Кто бы ты ни был, – крикнул он, и голос его звучал громко, и грозно, и зычно, – заклинаю тебя властью, данной мне от Бога, сгинь! пропади! рассыпся прахом!.. Если ты мертвец, отыди в могилу! Если ты проклятый, – отыди в ад! – И в этот самый момент Перст Божий поразил с небес оборотня, на том самом месте, где он стоял. Страшное мертвое тело, тело старой колдуньи и оборотня, столько лет как вырванное чертями из могилы и столько времени тасканное ими по белу свету, на грех и соблазн добрым людям, вспыхнуло, как искра на кремне, и рассыпалось пеплом по земле. Гром загремел удар за ударом, самое небо содрогнулось, и проливной дождь хлынул разом, как из ведра. Мистер Соулис перескочил через изгородь сада, и как был в одной ночной сорочке бросился бежать прямо по направлению к нашему местечку.

На следующее утро Джон Кристи видел черного человека, когда он проходил мимо Мекль-Каирн, ровно в шесть утра; около восьми он проходил мимо менялы в Нокдоу; а вскоре после того Мак-Леллан видел, как он бежал вниз под откос от Кильмаккерли. Нет сомнения, что это он так долго пребывал в теле и в образе старой Джанет, но наконец убрался, и с той поры дьявол не показывал нам больше своих глаз здесь, в Больвири.

Но для нашего пастора это потрясение не прошло бесследно: долго-долго пролежал он после того в бреду, не вставая с постели, и с того часа и по сие время он стал таким, каким вы видите его теперь.